

А. Бянкендорф

МАКСИМУМ МУТИ ИЗ МИНИМУМА СУТИ:
глубокий диалектический анализ прописных истин

[Marxist style]

Настольная книга начинающего марксиста

*Классово выдержанная стилистическая пост-ирония
(не претендующая на буквальную достоверность)*

Создано с помощью экспроприации непосильного труда DeepSeek AI

А. Бянкендорф

МАКСИМУМ МУТИ

ИЗ МИНИМУМА СУТИ

<https://litres.ru/74629604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вам по душе синтаксис, закручивающийся в спирали, достойные гегелевской «Феноменологии духа», но с ленинским прищуром и обязательным запахом керосина от примуса, если вы без ума от плотности терминологии, при которой каждое слово цепляется за предыдущее, как вагонетка за паровоз, а смысл приходится собирать пинцетом, если вы безмерно фанатеете от тягучего, синтаксически перегруженного диалектического дискурса, где одно предложение занимает полстраницы, а смысл проклёвывается только на третьем прочтении, оставляя после себя лёгкое головокружение и смутное ощущение причастности к истине, то это чтиво несомненно доставит вам непередаваемое удовольствие.

Содержание

* * *	4
Предисловие	6
Пролог	7
Глава I. Азы диалектического быта	10
Конец ознакомительного фрагмента.	41

МАКСИМУМ МУТИ ИЗ МИНИМУМА СУТИ

* * *

МАКСИМУМ МУТИ ИЗ МИНИМУМА СУТИ:

глубокий диалектический анализ прописных истин

Настольная книга начинающего марксиста [Marxist

style]

Классово выдержанная стилистическая пост-ирония (не претендующая на буквальную достоверность)

*Создано с помощью экспроприации непосильного труда
DeepSeek AI*

«Учиться надо не книжным словам, а делу.

*Надо уметь говорить с народом просто, понятно,
без высокопарных фраз».*

В. И. Ленин (из неизданного)

*«Было бы в высшей степени вредно и неправильно думать,
что для того, чтобы "служить" народным массам,
надо опускаться до уровня наименее развитого читателя.*

Это не так. Надо не опускаться, а подниматься».

Он же (оттуда же)

Предисловие

Перед вами, дорогие товарищи-читатели, отборный список банальностей, прошедших через горнило диалектического материализма и вышедших оттуда в состоянии, максимально приближенном к квантовой запутанности.

И если вам по душе синтаксис, закручивающийся в спирали, достойные гегелевской «Феноменологии духа», но с ленинским прищуром и обязательным запахом керосина от примуса, если вы без ума от плотности терминологии, при которой каждое слово цепляется за предыдущее, как вагонетка за паровоз, а смысл приходится собирать пинцетом, если вы безмерно фанатеете от тягучего, синтаксически перегруженного диалектического дискурса, где одно предложение занимает полстраницы, а смысл проклёвывается только на третьем прочтении, оставляя после себя лёгкое головокружение и смутное ощущение причастности к истине, то это чтиво несомненно доставит вам непередаваемое удовольствие.

Со всеми присущими нам искренностью и иронией желаем вам приятного погружения в эпоху легендарного синтаксического эквилибризма!

Пролог

Об удивительном марксистско-ленинском умении витиевато выражать мысли

Имманентный анализ способов объективации мыслительного процесса, осуществляемого в исторически конкретных условиях классово-антагонистической борьбы, с неумолимой необходимостью приводит нас к следующему диалектическому противоречию: та самая, на первый взгляд, «мутность» дискурсивного оформления рефлексии о материальном бытии, которую позитивистски настроенный обыватель склонен приписывать недостатку однозначной ясности, на поверку оборачивается своей противоположностью — а именно наиболее адекватной формой отражения текущей, противоречивой и до конца не познаваемой в своих опосредованиях социальной реальности. Ибо именно Маркс и Ленин, выступая как адепты революционной практической критики, достигали в своих текстах такой степени конкретности абстрактного и такой плотности диалектических переходов, где всякая прямолинейная «простота выражения» неминуемо скатывалась бы в вульгарный эмпиризм. Следовательно, с точки зрения подлинно научного мировоззрения, пресловутая «неспособность излагать мысли ясно» оказывается не пороком, а высшей гносеологической добродетелью

— ибо никто иной не умел так искусно возводить густые туманы контринтуитивной диалектики на пути всякого мещанского «здорового смысла», как эти корифеи пролетарской мысли. И ясно это как

Дважды два — четыре

Однако рассматривая данный феномен с точки зрения материалистической диалектики, мы вынуждены констатировать, что так называемая «банальная» операция удвоения дискретной единицы, взятой в её имманентной определённости, с последующим повторным удвоением, отнюдь не является простой тавтологией обыденного сознания. Напротив, в ней в снятом, опосредованном виде отражается фундаментальный закон перехода количества в качество, ибо лишь при строго фиксированных граничных условиях данного конкретно-исторического способа исчисления (а именно — в рамках формальной логики, господствующей в эпоху товарно-денежных отношений) мы можем утверждать, что результат означенной операции, а именно четверичная совокупность исходных объектов, приобретает видимость саможественной неизменности. Однако уже Плеханов указывал, что в иной системе координат (скажем, при учёте постоянного изменения стоимости под влиянием абстрактного труда) «дважды два» может равняться и пяти, и трём, если взять диалектику эфира или классовую природу линейки. Тем не менее, в пределах практических потребностей пролетарского движения на данном его этапе допустимо признать:

объективно, в отношении стихийных сил природы, дважды два, с точки зрения революционной целесообразности, есть четыре — но лишь как момент отрицания отрицания, который завтра, быть может, будет снят на более высокой ступени познания абсолютной истины. И это вновь возвращает нас к вопросу о ясности очевидного, облакаемой в форму изложения, напрочь лишённую всякой ясности.

Глава I. Азы диалектического быта

1. Вода мокрая

Имманентное свойство жидкой фазы H_2O , рассматриваемое в контексте чувственного восприятия субъекта, отнюдь не является эмпирически данностью раз и навсегда. Мокрота как таковая есть не что иное, как отношение между поверхностью тела (например, руки пролетария, сжимающей орудия труда) и молекулярной структурой, в которой когезионные связи уступают место адгезионному взаимодействию. Однако, с позиций исторического материализма, понятие «мокроты» меняется в зависимости от способа производства: для феодала, утиравшегося парчой, вода была менее «мокрой», нежели для безземельного крестьянина, вынужденного брести по осенней грязи. И всё же, отрицая идеалистические представления о сухости как абсолютном духе, мы вынуждены признать: в своей непосредственной данности, до перехода в пар или лёд, данная субстанция неизменно демонстрирует качество, которое в языке угнетённых классов принято обозначать как «мокрость».

2. Снег белый

Феномен цвета кристаллизованной атмосферной влаги требует диалектического подхода, ибо наличествующая

здесь белизна есть не просто отсутствие цвета, а тотальное присутствие всех цветов спектра в их снятом, опосредованном друг другом виде. Как учил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», ощущение белого возникает в результате сложного процесса отражения и преломления лучей, но было бы вульгарным материализмом утверждать, будто «снег бел сам по себе», в отрыве от практики. Для голодающего рабочего в Петрограде снег скорее сер или чёрен — от примеси золы и копоти. И лишь для отвлечённого буржуазного естествознания, игнорирующего классовую обусловленность восприятия, снег является белым. Тем не менее, в рамках текущего исторического момента, когда мы ещё не построили коммунизм с его идеальной оптикой, можно с высокой долей пролетарской убеждённости утверждать: да, снег — объективно белый, но лишь как момент его завтрашнего отрицания весенней грязью.

3. Яблоко падает вниз, а не вверх

Данное движение макроскопического тела в поле земного тяготения представляет собой классический пример того, что Энгельс называл «превращением количества в качество». Вверх — это не просто противоположность низу, а его диалектическое отрицание, требующее затраты мускульной энергии или работы какого-либо двигателя. Падение же является формой наиболее естественного, то есть наименее опосредованного трудом и сознанием, способа существова-

ния любого материального объекта в условиях капиталистической гравитации. Но было бы метафизикой полагать, будто яблоко всегда падало строго «вниз»: в момент, когда его сры- вает рука батрака с барской ветки, «низ» совпадает с направ- лением к земле, но в классовом смысле — это падение соб- ственности из рук эксплуататора в желудок голодного. Резю- мируя: в первом приближении, для дореволюционной физи- ки, яблоко стремится к центру масс Земли, и это направле- ние мы условно именуем «вниз», игнорируя тот факт, что в масштабах Галактики понятие «низ» теряет всякий опреде- лённый смысл.

4. Человек смертен

Здесь мы сталкиваемся с наиболее фундаментальной ба- нальностью, требующей, однако, глубокого диалектическо- го осмысления. Смертность отдельного биологического ин- дивидида есть не проклятие или случайность, а форма суще- ствования родовой жизни человека как таковой. Как писал Маркс в своих ранних рукописях, отрицание единичного есть утверждение всеобщего. Однако было бы механисти- ческим материализмом считать «смертность» исключитель- но естественнонаучным фактом: при капитализме рабочий умирает дважды — сначала как наёмная сила, истощённая прибавочным трудом, а затем как организм. И лишь при со- циализме, когда медицина становится бесплатной, а продол- жительность жизни растёт вместе с диктатурой пролетариа-

та, смертность начинает превращаться из социальной трагедии в её противоположность — в естественный физиологический акт, лишённый классового гнёта. И всё же, с учётом неумолимости отрицания отрицания, любой товарищ, в том числе и сам автор этих строк, подлежит такому снятию. Аве, Цезарь, morituri te salutant.

5. После зимы приходит весна

Данное циклическое изменение агрегатного состояния природы и общественной активности является классическим примером закона отрицания отрицания, однако только при условии отказа от «третьего закона Ньютона», который здесь неприменим. Зима как тотальное застывание, торжество неорганического мира и консервации производительных сил, с необходимостью содержит в себе своё собственное отрицание — первые проталины, капель и стихийное набухание почек, которое Ленин, будучи в Сибири, наблюдал и фиксировал как доказательство необратимости революционного процесса. Но буржуазные метеорологи ошибаются, полагая весну лишь «следующим сезоном»: диалектическая весна — это не просто потепление, а качественный скачок, в ходе которого лёд (символ косности царского самодержавия) переходит в воду (стихийное движение масс). Однако для жителя Арктики понятия «зима» и «весна» смещены, а на Марсе их вообще нет. Следовательно, в земных условиях, для средних широт Российской империи начала XX века,

данное утверждение можно считать эмпирически подтверждённым революционной практикой, но с оговоркой: весна придёт только для тех, кто доживёт до неё, перезимовав в окопах классовой борьбы.

6. Не всё то золото, что блестит

Эта сентенция требует строго материалистического прочтения, очищенного от мелкобуржуазного морализаторства. Блеск есть форма проявления световой энергии, отражаемой поверхностью объекта, тогда как «золото» — это особый товар, выполняющий функцию всеобщего эквивалента. И здесь заключается глубочайшее диалектическое противоречие: вещи, обладающие товарным фетишизмом и потому «блестящие» в глазах обывателя (например, мишура, казённые награды, буржуазные регалии), не являются золотом в марксистском смысле (то есть мерой стоимости). Наоборот, настоящее золото (пролетарское сознание, революционная дисциплина) часто не блестит, а скорее тускнеет от пота и копоты. Как говорил Ленин в «Государстве и революции», любая бюрократическая «блестящая» вывеска есть лишь буржуазная видимость, отрицаемая суровой непрезентабельной сутью диктатуры пролетариата. Таким образом: блеск — лишь явление, золото — сущность, и их несовпадение есть не исключение, а закон классового общества.

7. Утром встаёт солнце

С точки зрения геоцентризма, отвергнутого передовой наукой, данный феномен есть видимость, порождаемая вращением Земли вокруг собственной оси. Однако диалектика разрешает и этот вопрос: «восход» — не просто механическое движение, а переход ночи в день, то есть снятие тьмы светом. Здесь важно классовое измерение: для раннего пролетария, выходящего на двенадцатичасовую смену до рассвета, солнце встаёт не «утром», а в тот момент, когда его спина уже готова переломиться от станка. Для буржуа, напротив, солнце всходит тогда, когда он изволит пробудиться ото сна. Ленин в «Развитии капитализма в России» косвенно указывал, что для крестьянина-бедняка рассвет наступает на час раньше, чем для кулака, ибо один пашет, а другой спит. Таким образом, объективно солнце каждый раз встаёт, но субъективно момент этого вставания есть форма классовой борьбы. И всё же: да, по всеобщему согласию трудящихся, принято считать, что оно встаёт именно утром — до тех пор, пока мы не отменим само понятие «утро» вместе с капиталистическим режимом труда.

8. Без труда не выловишь и рыбку из пруда

Здесь перед нами наивная, но глубокая докапиталистическая мудрость, требующая строгой марксистской критики. Во-первых, понятие «труд» не гомогенно: труд ли это самого рыбака, владеющего удочкой, или труд наёмного работника на рыболовецкой тоне, где прибавочная стоимость присваи-

вается владельцем пруда? Во-вторых, из какого именно пруда? Если из пруда частнособственнического, принадлежащего помещику Обломову, то никакой труд не выловит вам ровно ничего, ибо рыба — капитал, охраняемый урядниками. В-третьих, сама связка «труд — результат» есть не прямая, а опосредованная: при капитализме вы можете трудиться как вол, а рыбки не увидите, ибо она уйдёт в виде налогов и арендной платы. Как писал Маркс в «Капитале», производительный труд — это лишь тот, который создаёт прибавочную стоимость для капиталиста. Следовательно, правильная диалектическая формулировка звучит так: «В условиях эксплуатации, для того чтобы собственник пруда выловил рыбку, труд наёмного рабочего должен быть удвоен: одна рыба — хозяину, другая — в виде обещания, что когда-нибудь пруд станет общим». А вообще, если вы хотите рыбу, организуйте артель и национализируйте пруд.

9. Яйца курицу не учат

Это глубочайшее изречение обывательской метафизики, которое не выдерживает столкновения с диалектикой развития. Курица, взятая как взрослая, сформировавшаяся особь, есть результат отрицания яйца (которое было её первой непосредственной данностью). Но яйцо, в свою очередь, содержит в себе в снятом виде будущую курицу как свою внутреннюю цель (энтелехию, как сказал бы Аристотель, но мы скажем — материалистическая потенция). Однако классо-

вое измерение здесь особенно важно: когда «яйца» (молодое поколение, пионеры, комсомол) пытаются «учить» старую курицу (заскорузлых меньшевиков, обюрократившихся функционеров), это не нахальство, а революционная необходимость. Ленин писал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», что молодёжь часто бывает радикальнее и чище, а старые курицы — заражены оппортунизмом. Таким образом, классическая формула «не учат» есть консервативная идеологема, призванная закрепить гегемонию старой курицы. На самом деле из каждого яйца, высиженного в правильной температуре классовой борьбы, непременно вылупится новая курица, которая и укажет старой на её ошибки.

10. Тише едешь — дальше будешь

Вульгарно-механицистская трактовка этой народной мудрости утверждает, что минимизация скорости ведёт к максимизации пройденного пути за единицу ресурса. Однако диалектика требует её перевернуть: в истории, как и в революции, именно тот, кто едет «тише» (то есть откладывает решительные действия на потом, реформист, хвостист), в итоге остаётся у разбитого корыта, в то время как «быстро» (то есть скачок, штурм Зимнего, красногвардейская атака) позволяет преодолеть дистанцию, которую тихоход не осилит и за сто лет. В то же время есть и второй момент: в условиях гражданской войны ехать «слишком быстро», без разведки, — тоже гибель. Истина лежит в диалектическом един-

стве быстроты и осмотрительности, или, как говорил Ленин, «семь раз отмерь — один раз отрежь, но отрезай революционно». Так что исходное утверждение верно лишь в том случае, если мы заменим «тише» на «диалектически соразмерно», а «дальше» на «ближе к победе пролетариата». Но в первом приближении — да, извозчик, который не гонит лошадей, доедет до соседней деревни, но до коммунизма он не доедет никогда.

11. Насильно мил не будешь

Эта малая житейская максима содержит в себе зерно истины, но только в сфере межличностных чувств буржуазной романтики. С точки зрения исторического материализма, понятие «насильно» требует классового анализа. Пролетариат при капитализме находится с буржуазией именно в «насильной» связи (эксплуатация, внеэкономическое принуждение, полицейский аппарат), и при этом он совершенно не обязан быть ей «мил». Наоборот, он её ненавидит. В свою очередь, в период диктатуры пролетариата к буржуазии применяется «насилие» (экспроприация экспроприаторов, подавление сопротивления), и здесь задача — отнюдь не стать «милым» для свергнутого класса, а окончательно сломать его волю. Следовательно, правильная пролетарская формула звучит так: «Насильно не будешь мил, но насильно станешь свободен от эксплуатации». В сфере же человеческих отношений — тут марксизм не даёт рецептов, кроме

призыва не путать любовь с политической экономией.

12. Одна голова хорошо, а две лучше

Этот тезис с очевидностью вступает в противоречие с принципом единоначалия, столь необходимым в период революционной борьбы. Ленин в «Шаге вперёд, два шага назад» разбирает ситуацию, когда «две головы» могут представлять разные фракции, и тогда вместо «лучше» получается меньшевистское гнилое соглашательство и бесконечные прения. Коллективность мышления хороша только тогда, когда все головы уже прошли через чистку партийными дискуссиями и ориентированы на единую цель — построение социализма. Одна голова (Центрального Комитета) при этом не отменяет две, а снимает их в себе как высший синтез. С другой стороны, если одна голова — голова рабочего-ударника, а вторая — его же собственная, но уже ознакомленная с трудами Маркса, то тут действительно две лучше одной, ибо позволяют избежать как тред-юнионизма, так и левацкого авантюризма. Вывод: суждение истинно лишь при условии, что обе головы принадлежат сознательным членам партии большевиков, а третья, лишняя (например, голова кадетов), должна быть отправлена на свалку истории.

В рамках же коллективного сознания: две головы лучше одной, если они согласны. Если они не согласны, то лучше одна, но ленинская. Как говорил Ильич на заседании Политбюро: «Тов. Сталин, вы одна голова, я тоже одна, вместе две.

Но почему-то мы всё время спорим. Значит, две головы хороши только тогда, когда одна из них — моя, а вторая — моя же, но в профиль». Шутки шутками, а диалектика учит: «Одна голова хорошо, а две — это уже ячейка партии, которая требует ещё и третьей — Центрального Комитета. И тогда все три головы будут думать одно и то же, но разными полушариями, ибо коллективное бессознательное есть высшая форма сознательного».

13. Куй железо, пока горячо

Вульгарно-ремесленная интерпретация этого афоризма призывает к поспешным действиям без учёта конкретно-исторической обстановки. Марксизм же различает: железо бывает разное — сыродутное, кричное, мартеновское. Горячо оно в разной степени. Ошибка меньшевиков состояла в том, что они пытались «ковать железо», когда оно только начало розоветь, а откладывали до того момента, когда оно остывало. Ленин, напротив, ковал именно в момент наивысшего накала — в апреле 1917 года, когда одна «горячность» (Апрельские тезисы) могла перековать целую страну. Однако есть опасность перегрева: «горячо» в июне 1917 года (эсеро-меньшевистские авантюры) привело не к ковке, а к разбрызгиванию металла. Следовательно, правильная формула: «куй железо в тот единственный момент, когда его температура соответствует температуре классовой борьбы пролетариата, предварительно национализировав кузницу».

14. В гостях хорошо, а дома лучше

Здесь мы сталкиваемся с мелкобуржуазной апологией частной собственности на жильё. При капитализме «дом» для рабочего — это конура, угол, подвал, где тесно, сыро и хозяин — домовладелец-эксплуататор. «В гостях» же для пролетария — это иногда посещение красного уголка, партклуба или лекции о политэкономии, где действительно «хорошо» (там товарищи, там сознательность). Но буржуа, напротив, считает, что «хорошо» у него дома (в особняке) и «плохо» в гостях (у рабочего). Диалектика снимает это противоречие: при социализме дом становится действительно лучше любых гостей, потому что гости — это те же рабочие, а дом — это не частное владение, а ячейка социалистического быта. А в идеале, как учил Маркс, само противопоставление «дом — гости» отмирает вместе с противоположностью города и деревни. Резюмируя: «В гостях хорошо, когда и у тебя дома не хуже, но пока дома — казарма или каморка, иди в гости к товарищам и требуй национализации жилфонда».

15. У семи нянек дитя без глазу

Это народная мудрость, блестяще подтверждённая практикой Временного правительства 1917 года. Семь нянек (эсеры, меньшевики, кадеты, октябристы, трудовики и прочая буржуазная свора) смотрели за «дитём» — Россией — в результате чего дитя чуть не погибло от антоновского ог-

ня и интервенции. Ленин же предложил одну няньку — партию большевиков, которая установила диктатуру пролетариата, и дитя выжило, окрепло и построило социализм. Однако вдумчивый марксист заметит и обратную тенденцию: слишком долгая опека одной няньки (сталинский культ личности) тоже ведёт к тому, что дитя не научается ходить. Истина, как всегда, в диалектике: няnek должно быть ровно столько, чтобы они дополняли друг друга, находясь под контролем Советов, но ни одна из них не должна заслонять собой коллектив. На практике лозунг «Семь няnek — плохо, одна нянька — хорошо, а лучше всего — детский сад под народным контролем» так и не был реализован, но это не отменяет справедливости исходного афоризма в его критике безответственной множественности.

16. На всякого мудреца довольно простоты

Это изречение особенно ценно для понимания теоретической работы самого Маркса. Он, будучи «мудрецом» (разработал теорию прибавочной стоимости), столкнулся с «простотой» в лице своих оппонентов, которые утверждали, что «капиталист тоже трудится». Ирония в том, что сам Маркс оказался недостаточно «прост», чтобы предвидеть, как его учение будет упрощено до вульгарного экономизма. Ленин же говорил: «простота хуже воровства», имея в виду интеллектуальную лень. В классовом аспекте: «мудрец» — это буржуазный интеллигент, который строит сложные схемы о

всеобщем благе, а «простота» — это рабочий, который берёт дубину и идёт громить витрины. С точки зрения гегемонии пролетариата, правильное сказать: «На всякого мудреца довольно классового чутья». Ибо именно тогда, когда мудрёная теория заходит в тупик, в дело вступает та самая «простота» — революционная интуиция масс.

17. Не в деньгах счастье

Фундаментальная марксистская истина, если понимать её не как морализаторство, а как экономический анализ. Деньги — лишь всеобщий эквивалент, форма стоимости, но никак не цель общественного производства. При капитализме именно погоня за деньгами приводит к отчуждению, кризисам перепроизводства и депрессии. Счастье, как писал Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», — это свободное развитие сущностных сил человека, что невозможно при господстве абстрактной меновой стоимости. Однако диалектика тут же вносит поправку: при этом без денег (в условиях нищеты) счастья тоже нет, ибо голодный не способен к «свободному развитию». Следовательно, истинная формула звучит так: «Счастье не в деньгах, но и не без денег; счастье — в уничтожении того способа производства, при котором деньги становятся мерой всего, включая несчастье». Иными словами: «Не в деньгах счастье, а в диктатуре пролетариата, которая сделает деньги сначала орудием учёта, а потом и вовсе отменит их».

18. Как аукнется, так и откликнется

Это простейшая формулировка закона единства и борьбы противоположностей в социальной коммуникации. Действие всегда равно противодействию, но не механически, а в снятом виде. Когда буржуазия «аукает» (эксплуатирует, посылает карательные отряды), пролетариат «откликается» (забастовкой, баррикадой, революцией). Причём сила отклика часто превышает силу ауканья — как в октябре 1917 года. Однако нельзя игнорировать и обратный пример: когда пролетариат в период нэпа «аукал» (терпел, восстанавливал хозяйство), капиталистические элементы «откликались» захватом власти там, где могли. Окончательный вывод: формула верна только в том случае, если считаться с так называемым «обратным отрицанием» — то есть если вы аукнули империалистической войной, готовьтесь к отклику в виде гражданской войны. А если вы аукнули строительством социализма, то откликнется вам всемирная революция.

В этой максиме по сути зафиксирован закон диалектического взаимодействия, который Маркс сформулировал в «Нищете философии»: «Каждое действие вызывает равное по силе противодействие, но в снятом виде». Ленин подтвердил на практике: аукнули помещики крепостным правом — откликнулось освобождением 1861 года; аукнули царь и капитал империалистической войной — откликнулся 1917 год. После 1991 года: аукнулось «ускорение» — откликнулась

рыночная экономика, которая тоже аукнулась, да так, что мы лишь только сейчас с тихим ужасом начинаем понимать как. Ирония в том, что мы так и не научились считать силу ауканья. Поэтому эта народная банальность в нашем диалектическом катехизисе звучит так:

«Как аукнется, так и откликнется — но если ты аукнул с перепугу, то откликнется тебе не эхо, а пуля, ибо история не любит фальшивых нот. А если ты аукнул по-марксистски — откликнется социализм, только не сразу и не в той форме, которую ты ожидал. И тогда не жалуйся: ты хотел диалектики — получи её в полном объёме, со всеми снятиями и отрицаниями».

19. Не плюй в колодец — пригодится воды напиться

Здесь мы видим не просто экологическую мудрость, а глубинную диалектику временного горизонта практики. «Колодец» в буржуазном обществе — это природа, общественное богатство, сам пролетариат, в который капиталист «плюёт» (скверные условия труда, низкая зарплата). Но когда наступает кризис, этому же капиталисту нужно «напиться» — то есть получить от рабочего класса согласие на новые кабальные условия. Ошибка меньшевиков была в том, что они не плевали в колодец царизма, а сотрудничали, в результате чего напиться не смогли (их самих выпили). Пролетарская же стратегия такова: в колодец капитализма надо плевать систематически, организованно, а потом, когда он иссякнет,

вместе с ним — вырыть новый колодец, социалистический, куда никто плевать не будет. Иными словами: прежде чем наплевать, убедитесь, что вы не будете зависеть от того, во что плюёте; а если зависите — организуйте переворот и сделайте колодец народным.

20. Любовь зла — полюбишь и козла

Это пример вульгарно-анималистической трактовки сложнейшей проблемы межличностной привязанности при капитализме, где все отношения, включая любовь, пронизаны товарным фетишизмом. Однако Ленин в письме к Крупской (опубликованном много позже) отмечал, что «зла» не любовь, а её буржуазная форма: когда женщина (или мужчина) выбирает «козла» (то есть человека, обладающего собственностью, связями, карьерой), будучи сама отчуждена от средств производства. При социализме любовь должна стать свободной от материального расчёта, и тогда никакой «козёл» не будет привлекателен, ибо понятие «козёл» исчезнет вместе с классовым неравенством. Но пока классовое неравенство существует, данная максима отражает реальное положение дел: да, любовь к «козлу» — это не патология, а следствие экономического принуждения, когда «козёл» владеет отдельной квартирой и дефицитом. Вывод: не «любовь зла», а капитализм зол.

21. Цыплят по осени считают

Данная агрономическая максим(к)а, при ближайшем рассмотрении средствами исторического материализма, обнажает свою глубочайшую методологическую недостаточность — а именно игнорирование фактора времени как формы существования материи, положенной на счетную доску мещанского прагматизма. Ибо когда именно «осенью»? До или после пролетарской революции? Если до — то цыплят пересчитает помещик и заберёт их себе в оброк. Если после — то цыплята будут национализированы, пересчитаны продотрядом и превращены в абстрактную продовольственную единицу. Но главное — сам акт «счёта» предполагает, что цыплёнок уже есть как наличное бытие, тогда как диалектика учит: цыплёнок есть не что иное, как снятое яйцо, отрицание курицы и ещё не осуществлённый куриный суп. Так что правильный лозунг звучал бы: «Курицу считайте по яйцам, яйца — по курицам, а осень отмените как буржуазную условность». Или, как говаривал один забытый оппортунист: «Кто считает цыплят осенью, тот не умеет считать их весной — в период классовой борьбы за инкубатор».

22. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь

Вульгарно-механицистская, прямо-таки ньютоновская трактовка охотничьей практики. Марксизм же утверждает обратное: настоящий революционер обязан гнаться за всеми зайцами сразу — за мировым капиталом, за империалисти-

ческой войной, за обывательской спячкой и за собственным хвостом (как символом отчуждённого сознания). А что касается «поймать» — то понятие «поймать» есть метафизический фетиш, ибо в процессе погони зайцы сами перестают быть зайцами, превращаясь в волков, а волки — в агнцев, и всё это в рамках отрицания отрицания. Ленин в работе «Что делать?» косвенно опровергает эту поговорку, доказывая, что если гнаться одновременно за тред-юнионизмом и за политической борьбой, то поймаешь и то и другое, но в снятом виде — гегемонию пролетариата. А если вы ничего не поймали, значит, вы гнались не за теми зайцами: надо было гнаться за буржуазией, а она, как известно, одного поля ягода — точнее, заяц. В общем, погоня должна быть такой, чтобы зайцы сами бежали в руки Советской власти.

23. Глаза боятся, а руки делают

Вот она — наивная диалектика страха и труда, которую блестяще разоблачил ещё Энгельс в «Диалектике природы». Глаза, как орган чувственного созерцания, принадлежат к сфере явления (боязнь есть форма отражения капиталистической отчуждённости). Руки же — орудие производства, непосредственная производительная сила. Но: а чьи руки? Если руки наёмного рабочего, делающего на станке, то они делают не то, что от них требуется, а то, что им диктует машина, и тогда глаза боятся не зря: боятся увольнения, травмы, вычета. А если руки — руки революционного матроса,

срывающего погоны, то глаза не боятся, а ликуают. Следовательно, данная поговорка действует только в условиях, когда страх глаз уже перешёл в качество: страх стал настолько велик, что руки от страха начали делать революцию. Или как учил Маяковский (не марксист, но близко): «Глаза — в потолок, руки — в карман, а надо бы — в патронташ». В итоге: «Глаза боятся, руки делают — но до тех пор, пока не пришла ЧК и не объяснила глазам, что бояться надо не работы, а саботажа».

Здесь также фиксируется разрыв между идеальным планом (страх) и материальным действием (делание). Маркс в «Капитале» показал, что капиталист тоже страшится кризисов, но руки его делают всё то же самое — эксплуатируют. Ленин в «Шаге вперёд, два шага назад» заметил: «У меньшевиков глаза страшатся революции, а руки делают соглашательство. У большевиков глаза горят, а руки делают революцию. Поэтому поговорка неверна: если глаза страшатся, то руки будут делать глупости, а если глаза видят цель, то руки её достигают, даже если страшно». В общем, не берите в голову, берите в руки винтовку.

24. С волками жить — по-волчьи выть

Тезис, который с одинаковым успехом могут использовать и меньшевики (как оправдание соглашательства с буржуазией), и большевики (как призыв к партизанским методам борьбы). Диалектика разрешает противоречие: если ты

живёшь с волками, то быть по-волчьи недостаточно — надо устроить облаву, национализировать лес и перевоспитать волков в сторожевых собак социализма. Но! «Быть» — это форма коммуникации, которая при капитализме выступает как отчуждённый язык, где воём считается и лай, и молчание. Сам Ленин в «Философских тетрадах» заметил на полях: «Быть по-волчьи можно и по-человечьи, если волк — это метафора империализма, а вой — это риторика Коминтерна». На практике поговорка опровергается жизнедеятельностью самих волков: волки не воют, когда живут с волками — они воют, когда хотят созвать стаю. Следовательно, пролетарский вариант: «С волками жить — по-волчьи организовывать профсоюз, а потом устроить показательный суд над вожаком стаи».

25. Москва не сразу строилась

Это замечательный образец эмпирического отрицания исторической телеологии. «Не сразу» — это растянутое время, в котором диалектика развёртывается медленно, как нэпманский кушак. Но Маркс бы спросил: а что значит «строилась»? Сама по себе Москва, как материя, строилась всегда, ибо движение есть способ существования материи. Однако качественный скачок — превращение деревянного посада в красный гранитный центр — произошёл именно в 1917-1930-е годы, то есть «сразу» с точки зрения геологической эпохи, но «не сразу» с точки зрения отдельного ка-

менщика. Знаменитая фраза Ленина «Учиться, учиться и учиться» неявно содержит опровержение: учиться можно и построить Москву сразу, если взять строительство как революционный акт, а не как эволюционный процесс. И вообще, само слово «строилась» в имперфекте указывает на незавершённость: Москва строится и сейчас (в смысле вечного становления), а «не сразу» — это буржуазный предлог, чтобы тянуть с ударными стройками. Вердикт: истина здесь только в том, что «сразу» и «не сразу» — это две стороны одной ленинской кепки.

26. Яблоко от яблони недалеко падает

Классический пример механистического редукционизма в учении о наследственности, который решительно отвергается диалектическим материализмом. Во-первых, что есть «яблоня»? Если это собственник-помещик, то яблоко (отпрыск) может упасть очень далеко — в Сибирь, на каторгу. Если это пролетарская яблоня, то падение яблока (сына рабочего) может произойти прямо на заводской станок, то есть на то же место. Но главное: само понятие «недалеко» исторически изменчиво. При феодализме недалеко — это в пределах вотчины. При капитализме — в пределах биржи труда. При социализме яблоки падают, куда им положено по плану Госснаба. Плюс генетика: Мичурин показал, что яблоко можно заставить упасть на Луну, если привить яблоню подходящей идеологией. Поэтому поговорка верна лишь в том

случае, если мы признаём, что яблоня и яблоко — это одна классовая сущность в разных формах движения материи. А ещё — что гравитация есть форма эксплуатации яблок древесной буржуазией.

27. Семь пятниц на неделе

Блестящее народное наблюдение за феноменом текучести календарного сознания в условиях неразвитого товарного производства. С точки зрения марксистской хронологии, капитализм и есть сплошная «седьмая пятница», ибо рабочий живёт не по неделям, а по циклам кризисов. Ленин, однако, требовал, чтобы у пролетариата было не семь, а одна пятница — день, когда свергается Временное правительство. Семь пятниц — это эсеро-меньшевистская безалаберность, когда сегодня «за землю», завтра «за войну до победы», послезавтра «в учредилку». Диалектика превращает количество в качество: если у вас семь пятниц, то это уже не пятницы, а сплошная суббота (в еврейском понимании — покой, то есть смерть революции). Вывод: для революционера — одна пятница, и она красная. А у кого семь — тот неделю прогулял, и того — к стенке.

28. Что посеешь, то и пожнёшь

Аграрная метафора, на первый взгляд подтверждающая закон перехода количества в качество (посеял овёс — получил овёс, а не гречку). Однако марксистская диалектика

немедленно поднимает вопрос: кто сеет? Если сеет батрак на барской земле, то пожнёт барин, а батрак получит плеть. Если сеет колхозник на обобществлённой земле, то пожнёт всё общество, но из этого «всего» государство извлечёт долю на индустриализацию, а сеятель — только то, что останется после плана. Более того, семя и жатва разделены во времени, а время, как известно, есть форма существования классовой борьбы. Посеяв в 1917 году «демократию», Временное правительство пожало Октябрьскую революцию. Посеяв в 1920-е нэп, пожали индустриализацию. Посеяв культ личности, пожали оттепель. Следовательно, поговорка верна лишь в том смысле, что любое действие имеет отложенный эхо-результат, но этот результат никогда не тождественен действию — ибо между ними всегда пролегает гегемонистская опосредованность. Иными словами: сеете вы пшеницу, а пожать можете пулемётную ленту, если вовремя не переопределили способ производства.

29. Лучшие синица в руках, чем журавль в небе

Квинтэссенция мелкобуржуазного консерватизма, которую Ленин разнес в пух и прах в работе «О лозунге Соединённых Штатов Европы». Журавль в небе — это мировая революция. Синица в руках — это «гнилой империалистический мир» с кайзером. Кадетская партия хваталась за синицу (Учредительное собрание, частную собственность), а большевики стреляли по журавлям, и в конце концов журавль

(социализм) приземлился им прямо в руки — правда, в виде тощей, общипанной птицы, которую пришлось кормить из общего котла. Более того, диалектика требует: синица в руках ценна только как средство достать журавля. Если вы сидите с синицей и боитесь выпустить её ради журавля, вы — обыватель, а не революционер. Правильная пролетарская максима: «Лучше журавль в небе, чем синица в руках буржуя, но ещё лучше — журавль, зажаренный обобществлённой кухней».

30. Воды в ступе не истолочь

Это изречение, восходящее к античному скептицизму (Sisyphean labour), получает у Маркса совершенно иное осмысление. В самом деле, вода в ступе — это субстанция, не поддающаяся дроблению механическими средствами, ибо её вязкость и текучесть всякий раз снимают усилие песта. Однако Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» указывал: если ступа — это капиталистическое государство, а пест — это вооружённое восстание, то воду (народное недовольство) истолочь можно — путём её замораживания (диктатура пролетариата), после чего фазовое состояние из жидкого переходит в твёрдое и толчение становится возможным. Но главное: сама постановка вопроса «толочь воду» есть идеалистическая метафора. В материалистической диалектике воду не толкут, её пьют или превращают в пар. Посему верная формула: «Воды в ступе не истолочь — кроме как если

ступа — это эсеровская болтовня, а вода — ленинский Апрельский тезис, который воду толчёт так, что она превращается в нефть».

31. Мели, Емеля, — твоя неделя

Фантастически глубокая поговорка, предвосхищающая теорию текучести кадров при капитализме и бюрократическом социализме. «Мели» — значит говори вздор, болтай (от слова «молоть» — производить речевую продукцию). «Твоя неделя» — это временной отрезок, в течение которого Емеля (чиновник, оппозиционер, оратор) имеет право на монополию словесной трескотни. Ленин, который терпеть не мог пустословия, перевёл это в практическую плоскость: «Мели, Емеля, но если через неделю ты не предъявишь конкретных дел (национализации заводов, хлеба для голодных), то твоя неделя превратится в твою расстрельную ночь». С другой стороны, поговорка фиксирует диалектику свободы слова: в капитализме каждый Емеля может «молоть» сколько угодно, но никто его не слушает. При большевиках «молоть» разрешалось только тем Емелям, которые мели в унисон партии. Так что универсальная истина: «Мели не мели, а придёт партия и скажет — agora, Емеля, твоя неделя кончилась, теперь наша вечность».

32. Гром не грянет — мужик не перекрестится

Эмпирическое описание инертности российского кре-

стьянства, которое Маркс объяснял идиотизмом деревенской жизни, а Ленин — отсутствием пролетарского сознания. Гром — это кризис, война, революция. Мужик — класс-гегемон в потенциале, но в актуальности — тёмная масса. Диалектика здесь такова: мужик не перекрестится до грома, но после грома он крестится уже не мужиком, а либо красногвардейцем (если гром — это Ленин), либо бандитом (если гром — это анархия). Гром, таким образом, выполняет функцию отрицания отрицания — он «снимает» мужика как дорефлексивную единицу и превращает его в политического субъекта. Были бы вы крестьянином в 1917 году, вы бы тоже ждали грома, а креститься начали бы уже после штыка. Итог: «Гром не грянет — мужик не перекрестится, а грянет — уже поздно креститься, пора винтовку брать».

33. Пьяному море по колено

Этот феномен изменения восприятия реальности под действием этанола Маркс разбирал в связи с понятием отчуждения. Пьяный — человек, у которого снят (в другом смысле) страх, но вместе с тем снята и адекватная оценка глубины. Море по колено — это идеалистическое отрицание объективной гидростатики, которое капитализм поощряет в рабочих (спаивай, чтобы не бунтовали). Ленин, будучи трезвенником, относился к поговорке отрицательно: пьяному море по колено, а в этом море плавает буржуазия, и пьяный её не видит, а трезвый — видит и топíт. Революционер не должен

быть пьяным ни в прямом, ни в переносном смысле. Исключение — случаи, когда «пьяным» назван весь класс (пролетариат отчаяния), и тогда «море по колено» означает готовность идти на баррикады, не боясь утонуть. Таким образом, максима распадается на две: при капитализме — опасно, при социализме — заменяется на «Трезвому море по пояс, а утопают — буржуи».

34. Копейка рубль бережёт

Мелкобуржуазная, сугубо купеческая максима, которую Маркс высмеял бы, показав, что копейка бережёт рубль только в том случае, если рубль — это не абстрактная стоимость, а конкретный металлический предмет. При капитализме копейку сберегает рабочий, а рубль прикарманивает капиталист. При социализме копейка бережёт не рубль, а пятилетку, ибо сбережение копеек на гайках и спичках позволяет построить Днепрогэс. Ленин в работе «О продовольственном налоге» дословно писал: «Копейка, сэкономленная на буржуазной роскоши, есть кирпич в стене коммунизма». Но предупреждал: беречь копейку не значит жадничать — жадность есть частнособственнический инстинкт. Беречь копейку — значит планомерно распределять ресурсы, чтобы всех хватило. Иначе говоря: «Копейка рубль бережёт, но если ты скопил рубль, а рабочий класс голодает — ты контрреволюционер, и твой рубль пойдёт на пулемётные ленты».

35. *Всё хорошо, что хорошо кончается*

Самый опасный телеологический фетишизм, который Ленин назвал бы «хвостизмом» и «меньшевистским ожиданием счастливого финала». Что значит «хорошо кончается»? Для буржуазии хорошо кончается — прибыль, для пролетария — победа революции. Но конец никогда не известен заранее. В 1917 году для кадетов «хорошо кончается» — Учредительное собрание, а плохо — Октябрьский переворот. Для большевиков — наоборот. Более того, диалектика вообще отрицает понятие «конец» как таковой: любое «хорошо кончается» есть лишь временное снятие, за которым следует новое начало. Если вы думаете, что, экспроприировав экспроприаторов, получите «хороший конец» — вы впадаете в утопизм. Ибо коммунизм — это не конец, а бесконечное отрицание отрицания. Так что правильная формула: «Всё хорошо, что хорошо кончается — но конец есть лишь момент перехода в своё противоположное начало, поэтому ожидайте контрреволюции и будьте готовы снова начинать».

36. *Что написано пером — не вырубишь топором*

Эта наивная фиксация материальной природы письма (чернила в бумаге) вступает в противоречие с диалектикой исторического действия. Ибо что такое «вырубить топором»? Это физическое уничтожение носителя. Но топором можно вырубить не только бумагу, но и того, кто пером написал, — как это практиковалось в годы гражданской войны.

Однако главное: сам акт письма есть опредмечивание мысли, а мысль, согласно Ленину, будучи превращённой в материальную силу, уже не вырубается топором — она живёт в головах масс. «Пером» написаны «Капитал» и «Государство и революция» — попробуй выруби их топором контрреволюции! Не вырубишь, потому что тысячи перьев продолжают писать то же самое. Следовательно, афоризм верен только для тех случаев, когда мы рассматриваем письмо как вещь, а не как общественное отношение. В последнем случае перо сильнее топора, ибо топор может уничтожить только то, что уже мертво, а живая мысль бессмертна (пока существует класс, её породивший). Итог: «Что написано пером пролетариата, того не вырубить топором империализма — разве что вместе с головой, но голов много, а топор один».

37. Лесом шёл, а дров не видал

Парадокс восприятия, который у буржуазного обывателя вызывает снисходительную усмешку, а у марксиста — глубокий анализ феномена «ложного сознания». Человек шёл лесом — то есть находился внутри материальной системы «дерева», но дров (как потребительной стоимости) не увидел, потому что его внимание было занято поиском грибов (мелкобуржуазный индивидуализм) или просто он нёсся как курица с яйцом (отчуждённая спешка). Ленин в «Что делать?» примерно так описывал стихийность тред-юнионизма: рабочие ходят лесом капитализма ежедневно, а дров-эксплуата-

ции не видят, потому что им мешает обывательская оптика. Революционная задача — переучить глаз: «лес» как явление (отдельные деревья) — это ещё не «дрова» как сущность (горючий материал для классовой печи). Кто научился видеть в каждом дереве дрова для баррикад — тот перестал быть просто путником, стал пролетарием. Вывод: «Лесом шёл, а дров не видал — это про социал-демократа до 1917 года. После февраля он увидел не только дрова, но и дровосека-капиталиста, которого и порубил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.